

Л. Е. Бляхер
В ПОИСКАХ
ОТСУТСТВУЮЩЕГО ОБЪЕКТА

Третий электоральный цикл в России /
 Под ред. В. Я. Гельмана. — СПб.:
 Изд-во Европейского университета
 в Санкт-Петербурге, 2007. — 294 с.

Выход в свет каждой книжки В. Гельмана и его коллег — событие в политической науке. Последовательность в применении исследовательских процедур, совмещенная со свежим взглядом на проблемы, — визитная карточка их работ. Не исключение и недавно вышедшая коллективная монография, посвященная электоральному циклу 2003 г. По мнению авторов, третий электоральный цикл в России завершает тенденции, обозначившиеся еще на начальном этапе, в 1990-е годы. С одной стороны, активным и пассивным избирательным правом формально обладают все дееспособные граждане страны, сохраняется многопартийность, существуют оппозиционные партии. С другой — все отчетливее проявляются различия в доступе партий к средствам массовой информации, финансовым и иным ресурсам, все более иллюзорной становится возможность поддержки партий частными лицами и хозяйствующими субъектами. От цикла к циклу возрастает контроль государства над партийной жизнью, повышается роль юридических и административных механизмов в электоральной борьбе. Все это и обеспечило фактически полное доминирование в Государственной Думе одной, подконтрольной исполнительной власти, партии, блокирование деятельности Совета Федерации.

Предельно важно, что эти, в общем-то, очевидные выводы проиллюстрированы богатейшим фактическим материалом. В книге подробно проанализирован ход выборов в Государственную Думу четвертого созыва. Показаны механизмы манипулирования общественным мнением, позволившие оттеснить все сколько-нибудь оппозиционные партии на периферию политического поля. Дан интересный анализ причин, породивших описываемую ситуацию. При всем том, что каждая глава, по сути, представляет собой самостоятельную и вполне завершенную статью, сборник необычайно целостен. Просматривается совершенно четкая композиционная логика. Идеи, высказанные В. Гельманом в первой, обзорно-теоретической, главе, конкретизируются в исследовании Г. Голосова, посвященном технологии формирования парламентского сверхбольшинства. Частные, но не менее важные аспекты электоральной политики рассматриваются в главах-статьях, написанных А. Лихтенштейн и Н. Яргомской, Ю. Шевченко, Е. Поповой, А. Щербаком, Р. Туровским. Каждая последующая статья развивает теоретические по-

ложения, выдвинутые в предыдущей. Самостоятельный интерес представляет работа Р.Туровского, где исследуются «региональные проявления» общероссийских электоральных тенденций.

Достаточно (отчасти даже излишне) монолитен и массив использованной литературы. Это прежде всего труды зарубежных ученых, оценивающих электоральный процесс в России. Подобный подбор, несколько сужая угол зрения, под которым анализируются поставленные в книге проблемы, еще больше добавляет ей целостности, а рассуждениям авторского коллектива — незаблемости. Несколько менее обоснованными на этом фоне выглядят математические выкладки в главе «Федерализм и „партии власти“ в России: территориальное распределение электоральной поддержки». Возникает ощущение некоторой их избыточности. Регрессии, которыми оперирует А.Лихтенштейн, не столько раскрывают или иллюстрируют выводы статьи, сколько демонстрируют, что автор владеет данным инструментом (в каких-то условиях, бесспорно, очень полезным). Впрочем, у обращения к нему, по-видимому, есть и иной смысл — отсылка к традиции, стремление жестко следовать определенным конвенциональным нормам.

Достоинства работы неоспоримы. Но только для того, чтобы отметить достоинства коллективной монографии известных исследователей, наверное, не стоило садиться за рецензию.

Гораздо существеннее здесь то, что монография вольно или невольно заставляет задуматься о самой структуре политических институтов в России, о принципиальном несовпадении «имени» института и той функции, которую он выполняет в обществе. Вернее, об отсутствии «имени» для того, что мы видим сегодня в политическом пространстве России. В очень точном и глубоком анализе динамики российской электоральной системы, представленном В.Гельманом в первой главе монографии, уже содержится посыл для такой постановки проблемы.

Российский политический режим автор характеризует как «гибридный», то есть не являющийся ни просто авторитарным, ни собственно демократическим. Выборы в России (центральный элемент демократической системы) квалифицируются им как свободные, но несправедливые. Свободные они потому, что явных случаев фальсификации результатов голосования или давления на избирателей не так уж много. А несправедливые — поскольку ресурсы партий и кандидатов оказываются несоизмеримыми. В том же русле — и с близкими выводами — написаны остальные главы. Ярко, интересно и убедительно продемонстрировано несоответствие реального функционирования российской электоральной машины тем принципам, которые закладывались в ее основание изначально.

У нас не совсем так, как надо, «работают» партии, не совсем правильно формируется парламент и, как следствие, не совсем демократически организована политическая система. Спорить с этими выводами трудно — и не особенно хочется. Они, в общем-то, интуитивно очевидны. Да и доказательств подобных отклонений в книге приведено с избытком. Но не менее важно, что назвать режим «чисто» авторитарным

(или каким-либо еще) тоже сложно. В рамках сложившегося способа научного анализа этот режим, как и политическая структура ряда других стран, не имеет названия. Журналистам (публицистам, обозревателям и т. д.) проще. Придумал хлесткую метафору — и все в порядке. Для ученого этот путь не годится. Он должен не просто назвать, но и определить, описать.

Если политический режим, что возник в России в годы потрясений, не является ни демократическим, ни авторитарным, то... каким он является? Как при этом режиме организована власть и какую функцию она выполняет? Как действует (если действует) канал коммуникации между властью и обществом? Между кем ведутся переговоры и каким образом согласовываются интересы? Иными словами, что представляет собой сегодня политическое пространство России?

Однако хотя все основания для постановки вопроса о сущности российского политического режима в книге есть, сам вопрос не ставится. Здесь исследование обрывается. И это, к сожалению, неизбежное следствие попытки сохранить политологическую «чистоту стиля» *par excellence*.

Политология в том виде, в каком она развивалась последнее столетие, была учением о демократии, о демократических режимах. Для описания именно таких режимов создавались концептуальные схемы и системы категорий, выстраивались индикаторы и операционализировались понятия. Наличный инструментарий позволял проследить мельчайшие нюансы демократических режимов. Достаточно было собрать некоторый массив данных (методики стандартные, да и проблемы минимальные), сопоставить их с определенным набором образцов (который был выведен уже давно и в рефлексии особо не нуждается) — и задача решена. Любой иной — не демократический — режим рассматривался именно как *недемократический*, то есть как режим, в котором отсутствует выделенный признак. Его описание сводилось к фиксации того, чего в нем нет.

Когда речь идет о «старой Европе», США или о распространении по миру очередной «волны демократизации», такой подход вполне адекватен. Но в других случаях начинаются проблемы. Исследователь может с легкостью показать, по каким параметрам тот или иной политический режим отклоняется от демократического идеала, чего именно ему не хватает. Но как описать то, что там есть? Выясняется, что у классической политологии в ее англо-американском варианте просто нет для этого ни сколько-нибудь разработанного инструментария, ни даже словаря. Безымянные режимы продолжают множиться. Попытки их описать превращаются либо в публицистику, либо в простую констатацию отсутствия объекта описания. Здесь-то исследователь и попадает в методологическую ловушку.

Имеющийся на сегодня инструментарий политологического анализа — это инструментарий европейской политологии, «заточенный» под вполне определенный круг проблем. Другого инструментария просто не существует. Точнее, он, другой инструментарий (в частности, созданный в рамках германской политико-философской традиции), не

столь систематизирован, не столь общепринят. Да и институционально он относится скорее к философии, нежели к политологии как системе позитивного знания. Самое же главное, международный язык политологии выстроен совсем на ином методологическом основании. Как и любой язык, он представляет собой некую замкнутую на себя систему текстов, заслоняющую от взгляда исследователя исследуемую реальность. Дальнейший анализ обращен уже не на реальность, а на ее концептуальную модель.

Трагедии здесь нет, любое научное исследование предполагает прежде всего построение модели. В случае если модель и реальность строятся на сходных основаниях, анализ и прогноз возможны и вероятны. Другое дело, если модель выстроена на основаниях иной реальности. Тогда она превращается в маску, не столько объясняющую, сколько скрывающую нечто от любопытствующего взгляда. Реальность, сконструированная на ее основе, становится политическим «маскарадом». Зато соблюдение правил этого «маскарада» гарантирует адекватное восприятие текста в рамках сообщества. Ведь, строго говоря, то, что утверждается в исследовании, верно. Это не ложное, но негативное утверждение, фиксация отсутствия исследуемого предмета. А отсутствие, причем обнаруженное методологически корректным способом, — вещь вполне значимая, тем более что альтернативы методологически корректному обнаружению отсутствия объекта просматриваются с трудом.

Как только мы пытаемся перейти от фиксации отсутствия к описанию реальности, методологическая ситуация еще больше осложняется. Концептов для такого описания оказывается до обидного мало. Недостаток приходится восполнять случайными образами, расхожими метафорами, вольными заимствованиями из смежных научных дисциплин. В худшем случае автор вообще решает обойтись без четко осмысленного инструментария и создает эдакое эссе об уникальности, самобытности и несравнимости национальной почвы. Это эссе может быть очень талантливым, но вот приращения знания с его помощью не происходит. Оно является не политологическим, а политическим, эстетическим, религиозным или каким-то еще актом и потому, по логике вещей, само должно стать объектом исследования. Иными словами, оно не уменьшает, а увеличивает пласт реальности, подлежащий исследованию. Если же оно еще и неталантливо, то ему одна дорога — в учебник по политологии для технических университетов.

Но даже если автор всерьез задается методологическими вопросами и попытается сконструировать язык, позволяющий перейти от негативного к позитивному описанию, проблем встанет не меньше. Его язык не будет понятен не только «мировой науке», но и коллегам, воспитанным на классических учебниках. Он окажется «иностранным» для подавляющего большинства политологов. В самом благоприятном случае на нем начнет изъясняться небольшая группа, абсолютно герметичная и «маловразумительная» для окружающих.

Уникальной удачей для отечественного сообщества политологов можно считать относительный успех «Русской системы» А.Фурсова и

Ю.Пивоварова или проект под руководством А.Мельвиля. Свою роль, и определяющую, здесь, бесспорно, сыграл статус создателей «птичьего» языка. Но даже их работы были встречены далеко не однозначно. Истоки такой ситуации, как мне кажется, кроются в том, как строилась наука о политике в России.

Наряду с установками общих для всех «классиков» (от Аристотеля и Платона до Макиавелли), каждая исследовательская традиция исходит из собственной философии политики. Для английской традиции это, скорее всего, философия Гоббса. Для германской — Канта. Можно найти такого философа-классика и применительно к французской или американской национальной традиции. Фундаментальные философские послы делают прозрачными дальнейшее интеллектуальные построения, избавляя исследователя конкретной проблемы от необходимости каждый раз все объяснять *ab ovo*. Именно на этом уровне ищутся ответы на «праздные и спекулятивные» вопросы: что такое реальность? что такое политика? для чего она нужна? Здесь выстраивается набор аксиом, воплощающийся в систему имен-концептов. Принятие системы концептов автоматически влечет за собой явное или неявное заимствование философии политики, на которой эта система основывается. Даже взаимное обогащение (скажем, французской национальной традиции — Гегелем) происходит именно потому, что имеется традиция. Понимание фундаментальных различий дает возможность выработать критерии сравнения, находить точки пересечения, создавать мета-язык науки о политике. Наличие разных и осознающих свою разность философских моделей позволяет обнаружить политические универсалии и превратить их в модели описания видимой и фиксируемой реальности.

В этом контексте вполне понятно, что становление новой философии политики, новой национальной традиции ведет к более или менее существенной трансформации всей системы универсалий, к появлению новых концептов, новых исследовательских технологий. Так, например, повлияло на политическую науку формирование латиноамериканской традиции (Г.Мюрдаль, Э. де Сото и др.), нашедшей отражение в ряде положений неинституционализма.

Иначе складывалась политическая наука в России. Вхождение в «мировую политологию» началось у нас не со сравнения «своего» и «чужого», а с прямого заимствования системы имен. Именно фундаментальные положения, пусть даже в форме расхожих утверждений, были заимствованы сразу и безоговорочно. Причина понятна. Единственной «политической философией», существовавшей на тот момент в России (Советском Союзе), был научный коммунизм, который уже давно превратился в теологическую систему, обслуживавшую советский режим. Естественно, что с крушением этого режима он был отвергнут. Образовавшуюся пустоту заполнила заимствованная система концептов и... чужая философия политики. Это тут же перевело становящуюся науку в ранг провинциальной, ведь в ее основу лег чужой (причем сниженный) философский образец. Дальнейшее ученичество свелось к усвоению

технологий исследования. Сам исследовательский объект был сконструирован много раньше и вне отечественной традиции. Этот исследовательский объект так и не был осмыслен, а факт заимствования — от-refлексирован. В этом не было необходимости. Следование по пути «цивилизованного мира», стремление любыми способами войти в этот мир заменили интеллектуальную экспертизу. Да и традиции такой экспертизы в стране просто отсутствовали.

Сегодня Россия, усилиями Б.Капустина, В.Межуева, А.Филиппова и некоторых других, в спешном порядке создает свою политическую философию. Но поскольку создание философского основания, фундамента ведется тогда, когда здание, по сути, уже построено, подобные разработки воспринимаются в лучшем случае как «оригинальный взгляд» на предмет, но не как его конструирование. Реальность российской политики остается неконцептуализированной. Неспособность научного сообщества дать внятное определение российской политики ведет к появлению странных образований типа «суверенной демократии», отражающих стремление власти к самоопределению. Однако тот факт, что определение власти дается не наукой, а самой властью (или ее противниками), свидетельствует о кризисе в среде профессиональных политологов. Реальность описывается и исследуется не ими. Не случайно многие политологи сегодня уходят в политэксперты и политконсультанты. Не имея возможности изучать, они пытаются действовать, менять реальность так, чтобы она соответствовала описанию.

При всех успехах отечественной политологии (хотя каких?) разработка нового языка на уровне концептуальных схем, исследовательских техник и моделей — путь тупиковый. Двигаясь по нему, не создашь сообщества. Может быть, еще не поздно начать сначала? Начать возводить здание отечественной политологии с фундамента, а не с крыши. Единожды проговорить не техники исследования и даже не подходы к нему, а один, но принципиальный вопрос — предмет политологии в России. Это вопрос не вполне научный, но вполне философский. Философия и должна на него ответить. Сможет ли?

На основе «мировой» и, напротив, «исконно российской», от Иллариона идущей, политологии уже возникли школы и направления, факультеты и фонды. Сложился статус и принципы игры с ними. В этих рамках все понятно и привычно. Зачем ломать то, что сложилось, — парадигму? Пусть не исследовательскую, а чиновную или грантовую, зато живую. Наверное, ответ здесь возможен только самый наивный: из любопытства. Ведь любопытно понять, что же есть российская политика, как она функционирует. Интуитивно ясно, что партии и выборы в России играют совсем другую роль, нежели в Германии или, скажем, в Грузии. Но какую? Любопытно все-таки определить не отсутствующий, а наличествующий объект отечественной политологии — и тем самым обогатить мировую политологию новым знанием. Пока же этого не сделано, вероятно, самое правильное — остановиться перед проблемой и не будить лиха, сохраняя методологическую чистоту и непорочность, не вступая на зыбкую почву догадок и предположений.